

ГЕРМАН ДИЛИГЕНСКИЙ: ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

Как стало возможным обновление общества? Какова была роль профессионалов в условиях тотального партийного контроля? Что сделали и чего не сделали «молодые реформаторы»? И, наконец, что мешает в проведении реформ нынешнему руководству страны? На эти вопросы Герман Дилигенский отвечает в своем последнем интервью, которое он дал Андрею Цукекому для «Политком. Ру».

Вопрос. Как стало возможным появление Горбачева – вопрос может быть сложный, и, вероятно, нельзя искать ответа во времени непосредственно предшествующем его приходу к власти...

Герман Дилигенский: Ничего особенно оригинального я не скажу. Первое движение в сторону свободы было сделано при Хрущеве, хотя, безусловно, не самим Хрущевым. Те, кто был с ним в то время, не понимали, что они делали. Сталинская система действовала по принципу консервной банки – полная изоляция от иного мира, от иных ценностей. Об этом «ином», заграничном мире были мифологические представления. Извините, что я отвлекаюсь на этот пример, но я его очень люблю. Надежда Мандельштам, когда была в ссылке, оказалась в деревне, где все жили в страшной бедности, и хозяйка-старушка говорила: «Ну, нам-то еще ничего, нам хоть иногда селедки да керосина завезут, а у них-то за границей ведь совсем ничего нет...» На этом уровне существовала страна, и общество, а сомнения почти ни у кого не возникали – не было информации.

Первые дырочки в стене, первые ручейки – это первые приезжавшие иностранцы, которые привезли с собой сведения об иных ценностях. Дальнейшее известно. Первая не совсем советская культура, не совсем советское искусство, радио-«голоса» сыграли огромную роль. Миллионы людей слушали их, причем в провинции больше, чем в Москве – там меньше глушили. В результате возник некий поликультурализм. Помимо официальной культуры, появилась культура легитимная, но от официальной отличавшаяся, и она начала влиять на умы. Но это процессы культурные, а мы сейчас говорим не только о них.

Очевидным стал кризис советской экономики. Этот кризис рядовые люди ощущали на собственной шкуре. Но у них не было возможности для широких обобщений – не было соответствующего

языка, дискурса, не было прессы, даже политического словаря... Знала партийная номенклатура, элита. Она начала дифференцироваться. Процесс этот носил латентный характер, редко вылезал наружу, но, несомненно, он шел. Я знал об этом, потому что был непосредственно по работе знаком с представителями этой элиты.

В. Когда впервые в элитных кругах появилась мысль, что если не к принятию, то хоть к подготовке решения можно допустить специалистов?

Г. Дилигенский. На каких-то средних уровнях руководства такие мысли возникли достаточно рано, но они не имели успеха наверху. Разные институты получали запросы на массу записок, но у нас сохранялось убеждение, что используются они не по делу, а для подготовки речей. Речи руководства должны были становиться более гибкими, открывать какие-то перспективы необходимых изменений. Это ощущалось, и стал меняться сам тип «речеписца», спичрайтера. Но это ведь все оставалось на уровне речей, а на деле, в политике – ничего не менялось. Сколько раз откладывали пленум ЦК КПСС, посвященный научно-техническому прогрессу...

Но вернемся к дифференциации элит. Большая часть номенклатуры в центре и на местах жила по психологическому закону господствующей бюрократии. Этот закон прост: если бюрократия не принуждается силой к какой-то деятельности со значимыми целями, лежащими вне сферы ее собственных интересов, она естественно начинает заниматься укреплением своего положения. Психология элитного большинства сводилась к игре по правилам, к охране устоев системы. И вдруг появилось меньшинство. Откуда? Сменился социальный состав номенклатуры.

Уже не от станка, не от сохи – приходили люди не только из партшкол, но и из университетов. Я встречал таких людей и в центре, и на местах. Типичный случай: человек закончил философский факультет, что-то слышал, что-то читал, знает что-то о категорическом императиве Канта. Пошел некий социологический процесс, во власть стали приходиться несколько новые люди. Власть понимала этот процесс, и очень его боялась. Традиционные партийные лидеры испугались. Впрочем, сейчас различить этих людей было бы уже трудно. Нынешние руководители КПРФ казались бы, по сравнению с партийными функционерами сталинских времен, распоясавшимися либералами. В высших эшелонах все более ясно становилось, что страна идет к пропасти.

Вот пример из жизни ИМЭМО. Как-то, в обычном разговоре директор института, член ЦК, помощник Брежнева Иноземцев вдруг проговаривается: «Это величайшее наше счастье, что мы открыли Самотлор. Без него мы бы уже лежали на боку...» Знающие

люди понимали, что страна живет на последних естественных ресурсах. А вот еще эпизод: в конце 70-х годов в институте проводили партийные собрания, а на них иногда раскрывали закрытую информацию. На одном из таких собраний выступал тогдашний зампред Госплана СССР. В своем выступлении он нарисовал страшную картину состояния экономики. Ему задали вопрос: «А что же надо в первую очередь делать?» Тот отвечает – «В первую очередь нужны реальные цены, без этого ничего не получится». Вспомните, кстати, что сделали в 1992 году первым делом. Человек продолжает спрашивать: «Так за чем же дело стало?» А чиновник ему отвечает: «Вы знаете, это уже политическое решение».

Есть и еще один эпизод. Как-то меня пригласили с докладом в Отдел науки ЦК КПСС, что-то о социальных аспектах научно-технической революции на Западе, мы этим занимались. Я очень боялся туда идти. Отдел науки ЦК был одним из самых реакционных, возглавлялся он тогда печально известным Трапезниковым, который давил всех более свободно мыслящих, впоследствии его отдел как раз и сыграл ключевую роль в разгроме ИМЭМО в 1982 году. Выступать там мне очень не хотелось. В тот день, когда я пришел с докладом, высшего начальства – самого Трапезникова – не было, был кто-то из заместителей. Я в очень умеренных тонах изложил свою концепцию. Потом они стали говорить, уже сами, забыв про меня. И эти люди не принадлежали ни к какому «либеральному» крылу, каким был, например Международный отдел. Разговор был полон откровенной тревоги. Тогда я ощутил, что кое-что в системе сдвигается.

Это в какой-то степени уже ответ на вопрос, что сделало возможным приход Горбачева. Он безусловно принадлежал к новому поколению партийных деятелей, был пообразованнее. Когда он еще не был генсеком и только приехал в Москву, некоторые институты вдруг начали от него получать заказы на работы по очень странному для тех времен темат, например, о столыпинской реформе, или анализ НЭПа. Горбачев начал работать в этом направлении задолго до того, как встал во главе страны.

Мы знали, что в международном отделе ЦК наиболее близкий к нам человек – Анатолий Сергеевич Черняев. Это уже тогда был человек с «интеллигентской» системой ценностей, он, в частности, выступал за развитие отношений с западными социал-демократами. Горбачев работал в другом отделе, куда входил был через другой подъезд. Но уже на следующий день после избрания Горбачева генсеком он получил распоряжение перейти к нему в помощники. Он был потом с Горбачевым всегда, и в триумфальные, и в самые сложные дни, он с ним и сейчас. Наверное, это было лучшее кадровое решение Горбачева. Потом в его окружении оказались совсем другие персонажи, вроде Янаева. Люди либерального крыла уже как-то распознавали друг друга, даже если не

виделись часто и не говорили по душам, – они уже могли идентифицировать друг друга. Но было их очень мало, и даже те, кто испытывали подобные настроения, испугались. Хотелось перемен, но каких, ясно не было, а идти на разрушение монополии власти никто не хотел, и сразу началось обратное движение.

Задолго до перестройки Юрий Нагибин написал рассказ, в котором описывает разговор журналиста с секретарем райкома партии. Секретарь откровенно говорит: «Вот тут все плохо, тут, тут...» Журналист спрашивает: «Да отчего же вы ничего не делаете?» Тот посмотрел на него, как на сумасшедшего, и сказал: «С ума вы сошли? У нас ведь ткни пальцем – и все развалится!» Это был провидческий рассказ. Возможно, и был такой разговор, может быть, Нагибин его придумал, но в любом случае, здорово.

В. И все же вернемся к роли специалистов, ученых, профессионалов. К ним прислушались, или просто «принимали к сведению» их мнение, и тут же забывали?

Г. Дилигенский. Их мнение даже не учитывалось серьезно. Было желание придать налет интеллектуальности речам и статьям, приобрести внешнюю респектабельность при полной неспособности сделать что-либо конкретное, полезное, нужное. Было создано немало институтов: ИМЭМО, ИНИОН, ИСКАН, другие. Для чего они создавались? Отметьте их внешнюю направленность. Опытный лоббист вроде Арбатова, пользуясь связями, «выбивал» себе институт. Почему внешняя направленность институтов доминировала? Да потому что власть нуждалась во внешней активной политике, а методами Коминтерна сделать уже ничего было нельзя, нужно было искать новые формы работы. Для этого и создавали институты, давали на них деньги, составляли команды из высококвалифицированных специалистов, действительно интеллектуальных. Но потом ничего не происходило. Почему? Давайте посмотрим, как использовались такие институты.

Где-то к середине 70-х годов, особенно после Хельсинки, «наверху» стали осознать, что нужны какие-то новые, особые отношения с социал-демократами. Тем более, что нечто подобное записано было в хрущевской партийной программе, да и с практической точки зрения очень полезно. Нужно послать делегацию. Но можно ли послать ее к ним на том же уровне, что и к западным коммунистам? Нет, потому что они «другие».

И вот к французским социалистам, которые во взаимоотношениях с КПСС увидели для себя какие-то политические выгоды, посылается делегация из... ИМЭМО. ИМЭМО оказывался в качестве агента в межпартийных связях. Но ИМЭМО не партийный, а академический орган, и для того, чтобы придать делегации партийный статус, во главе ее ставится член ЦК. Французы ничего не понимают, но люди они вежливые, отношения складываются, они

понимают, кого мы, хотя и неофициально, представляем. Потом настает очередь английских лейбористов. Но тут ситуация уже другая, лейбористы – правящая партия! Они приезжают. В первый день их гостеприимно встречает Иноземцев. Но потом – ни Брежнев, ни Сулов их не принимают. Они устраивают скандал. Причем прямо на торжественном обеде. Институт улаживает проблемы.

Еще писалась масса записок. Это использовалось в тех случаях, когда нужно было изобрести формулировку для речи, для документа, когда сами партийные чиновники не в состоянии были это сделать. Вот вам забавный пример из моей собственной практики. Это было еще при Хрущеве. Шла ожесточенная полемика с китайцами, обмен письмами между Центральными Комитетами, мы провозглашали свои принципы, они – свои, и по логике этого обмена надо было сформулировать генеральную линию коммунистического движения, в противовес выдвинутой китайцами. Было дано поручение нескольким институтам. В ИМЭМО ее писал я. Она вошла в документ. Так я стал автором генеральной линии коммунистического движения! Комедия. Консультанты, которые были близки нам в международном отделе, часто подсказывали: «Смотрите! Вот я вставил в документ такую фразу, так что на нее опирайтесь, из нее исходите, и все будет нормально, этого от вас ждут». Так использовался интеллектуальный потенциал. Конечно, это уже кое-что, когда хотя бы умные слова подбирают для идеологических речей. Но окончательный ответ на вопрос, прислушивался ли кто-то ко мнению специалистов, дал Афганистан. С одной стороны новая политика, считаться с условиями, и так далее... Но более кондовые ребята из ЦК или из ГБ убедили: «Прорвемся, завоюем!» А ведь все ученые предупреждали, чем это кончится.

На самом деле это была внешняя форма: институты, ученые, которые что-то пишут. «Надо их больше привлекать, поговорить с умными людьми», но теоретиками и практиками они привыкли считать себя. Бесспорно, интересовался мнениями специалистов Андропов. У него, впрочем, был свой взгляд, он хотел укрепить систему, ужесточить, но за счет умных реформ. «Разгромим диссидентов и построим новый мир». Но ко всему, что было связано с интеллигенцией, у него, как и у всех партийных чиновников, в подкорке было прописано глубокое недоверие. Чехословацкие события 68 года резко усилили эти настроения. Я знаю эпизод, происходивший на заседании секретариата ЦК в 1969 году. ЦК тогда утверждал все кадровые назначения, ведал секретариатом небезызвестный Кириленко. Шла речь о назначении сотрудника журнала «Коммунист» в идеологический отдел ЦК. И когда речь зашла о его кандидатуре, Кириленко взмылся в злобе: «Опять из журналов! Мне нужны ребята из сельских райкомов! Вот их мы

научим делать дело!» Интеллигенции боялись, да и всерьез не принимали, считали, что сами справятся.

Впоследствии Горбачев именно поэтому столкнулся с дефицитом кадров. Яковлев в свое время был срочно вызван из Канады и стал директором нашего института, а потом сразу оказался в ЦК зав. агитпропом. Но таких людей были единицы. Помню, перед XXVII съездом КПСС он как-то сказал: «Никто не может предсказать, какой будет наша политика через три года». Яковлев привел с собой новых сотрудников – кого-то находил в каких-то провинциальных ВУЗах, кого-то еще где-то... Когда Е.М. Примаков пригласил меня руководить журналом «Мировая Экономика и Международные Отношения», я проходил утверждение по старой схеме, в ЦК, и когда я пришел туда, – это было при Яковлеве – я застал уже совсем другую обстановку, другие разговоры, других людей...

В. Был ли распад СССР неизбежностью или это произошло в результате стечения обстоятельств?

Г. Дилигенский. Я историк. И верю в законы истории. А закон преходящего характера многонациональных империй не имеет исключений. Это очевидно. Ленин и Сталин подготовили условия к этому, вероятно, считая, что схема союзных республик и формирования национальных политических элит позволит это образование сохранить. Тем самым они и заложили мину под СССР. Но он развалился бы и без этой мины. Характерной особенностью, в отличие от развала Австро-Венгрии, например, в том, что только часть этих народов хотели независимости – это Прибалтика, в значительной мере – Грузия и часть Украины. В Средней Азии людям было все равно, при любых обстоятельствах им приходилось иметь дело с местной властью. Но вот элиты, как только обнаружилось, что центральная власть слабеет, задумались о том, что можно «рулить» самостоятельно. Я часто ездил отдыхать в санаторий на Медео, в Казахстан. И там на вахте дежурили посменно две русские женщины и казашка. Когда им прислали на руководство республикой Колбина, и они впервые повозмущались в открытую, казашка преисполнилась националистических настроений. До этого ей ничего подобного просто в голову не приходило.

В. Разрушивший социалистическое государство и партийную машину Ельцин следом за этим разгромил и академическую науку в России. А как вы относитесь к тому, что делает нынешний президент в научной области?

Г. Дилигенский. Как всякий представитель власти, он хотел бы, чтобы наука сама себя кормила, работала на экономику. Это объяснимо и понятно. К тому же многое ему «нашептывают» люди из его окружения. Я понимаю его недоверие к такому монстру, как наша Академия Наук – возможно, этот монстр и стоит того,

чтобы его разрушить. Но вот ведь в чем беда, тут ведь тоже сработает формула Юрия Нагибина – стоит ткнуть в одном месте и все повалится. При этой власти, очевидно, не будет предпринят шаг, на который в свое время пошел Сталин после войны, когда ведущим ученым были многократно подняты зарплаты. Они обеспечивались лучшим жильем и возможностями работать... Конечно, там были запреты, была «лысенковщина», но во многом этот шаг позволил стране восстановиться после военной разрухи. Но, я понимаю и президента – наш научный мир полон противоречий, каждый говорит свое, голову сломаешь, ну и кому тут президенту верить, кого выбирать? Он выбирает из тех, кого знает лично, скажем Грефа, с которым был знаком в Питере. А вот уже Греф считает, что знает все сам. Как в свое время считали Гайдар с Чубайсом. Нет ведь у нас таких столпов, про которых было бы заранее известно, что они точно не сделают какую-нибудь глупость.

В. А как вы оцениваете деятельность «молодых реформаторов»? Недавно в интервью для нашего сайту Евгений Ясин сказал неожиданную вещь: «Молодые реформаторы сделали самую легкую часть работы».

Г. Дилигенский. Разрушительную. Да, это так и есть. Но всю ситуацию 92 года я вижу так: своей политики у Ельцина никогда не было, в политических вопросах он сам не разбирался, советникам своим он доверял через одного, пристрастия и источники информации у него часто менялись. Функция Гайдара и его команды была не политическая, это была функция «экономического МЧС». Они освободили цены – о чем говорили еще советские экономисты. Это было нужно делать немедленно. У молодых реформаторов не было политики, у них были чисто экономические схемы. А ведь экономика без политики не существует. Очевидно, существовало убеждение или надежда, что всю политическую часть, благодаря своей харизме и популярности осуществит президент. Чубайс понимал немного больше, но на уровне элит. А социальных амортизаторов просто не было. У людей уничтожили сбережения, что внешне выглядело абсолютно цинично – и тут нужен был политический ход, но его не сделали. И сегодня эти люди каких-то простых политических императивов не понимают. Мне кажется идиотизмом, что лидеры СПС нарочито подчеркивают: «Мы – буржуазная партия». Ни одна действительно буржуазная и предпринимательская партия на Западе не может себе позволить ничего подобного, потому что это политическое самоубийство. Партия, которая претендует на место во власти, должна быть общенародной. Она должна искать способы выразить связь разных слоев населения в своей программе. Если люди не понимают этого – значит они не понимают азов политики. Но происходит это не потому, что они глупые люди. Просто вся наша элита – как левая,

так и правая, рассматривает основную массу населения, как манипулируемый объект, который сам ничего не понимает, и им можно только руководить, что достаточно глупо при высоком уровне образования в России, где есть значительная прослойка рефлектирующих людей, что показывает любое социологическое исследование. Увы, это особенность нашей социализации, люди, которые считают себя демократами – никакие не демократы. Да, они выступают за те демократические институты, которые, прежде всего, выражают свободу. Свободу передвижения, слова. Но каковы их идеалы, касающиеся общества – непонятно. Молодые реформаторы были готовы выполнить экономические манипуляции, но не были готовы к масштабным преобразованиям жизни в стране в целом. Их можно уважать за высокую принципиальность – тот же Гайдар честно и порядочно отстаивал свой взгляд на Чечню, из-за чего потерял свою партию. Но политической стратегии у руководства страны не было.

В. Стране нужна структурная реформа экономики. Это значит, что придется отказываться от убыточных предприятий и отраслей. Миллионы людей на улице... Никакой рейтинг Путина не поможет. Готова ли к этому власть?

Г. Дилигенский. Не думаю. Для этого нужна готовность идти курсом тонкого политического лавирования, не пережимать, не рубить с плеча. Это сложнейший вопрос, как проводить реформы в условиях демократии и не потерять при этом власть. Наша политическая элита не понимает всей сложности проблемы. Первейшая задача – сформировать какие-то социально-политические силы в обществе, которые могли бы поддержать реформы, а этого не делается. Политика в области партийного строительства этому даже мешает, она вписывает партии в структуры государственной бюрократии. Единственный рецепт, который тут годится – собрать тех, кто готов к реформам, кто готов их поддержать и вести за собой других. Конкретные рецепты перегруппировки экономики очень широки, диапазон от Рузвельта до Гитлера. Но без консолидации готовых к реформам сил не обошлись ни тот, ни другой. Реформы могли бы поддержать не только предприниматели, но и все те, кто так или иначе успешно вовлечен в рыночный сектор, и для работы с этими людьми нужна инициатива, изобретательность. Я очень люблю такой пример. Когда Маргарет Тэтчер привела к власти свою консервативную партию, сделать это ей удалось, только отбив у лейбористов значительную часть их активного электората – квалифицированных рабочих. «Тори» пошли в рабочую среду, изучать настроения, и выяснилось, что многие рабочие, получившие после войны дешевое муниципальное жилье, теперь, «подкопив жирок», хотят эти квартиры приватизировать. Приватизация муниципальных квартир стала основным

пунктом предвыборной программы. А мы формируем бессмысленную партию «Единство» силами номенклатуры на местах. Путин ставит разумные цели, но, будучи человеком советским и зная общие принципы, он слабо представляет себе методологию действия в условиях свободного общества, где приказать нельзя. А это самое главное.

В. Однако именно Путин начал с того, что собрал в «Александр-Хаусе» специалистов под руководством Грефа, которые там пытались разработать подробную среднесрочную программу развития России.

Г. Дилigentский. Важно ведь не только что делать, но и как делать. Нужны технологии соответствующие поставленным целям. И совещание в Александр-Хаусе ничем не отличается от других тусовок, на которые я получаю по десятку приглашений в день. Дискуссионная площадка нужна, нужно общественное обсуждение, но для начала я бы занялся ситуационным анализом, по очень простому принципу. Небольшая группа получает заранее сформулированную цель, список вопросов, на который нужен ответ. Эта проблема структурируется, разбивается на составные части. Каждый пишет сценарий, по каждой части работают два человека, которые придерживаются противоположных взглядов. Дается жесткий регламент, чтобы докладчики не просто наслаждались своим красноречием. Потом редакционная группа пишет свои выводы. Так мы получим более-менее пригодный для работы материал. Пока собрания экспертов превращаются в набор монологов. Из этого что-то можно извлечь. Но кто будет это делать? Представим себе чиновника, который по заданию начальства начнет все это читать. Мне его жаль, потому что жемчужные зерна в тексте нужно еще найти. А так – все это мило, к тому же сопровождается часто весьма приятными фуршетом. Посидим часа три, потом угостимся. Представьте себе чиновника, который так проводит свое время. Вместо того, чтобы, например, заниматься вопросами налаживания взаимоотношений между властью и бизнесом. Когда появился в Москве Греф со своими молодыми замами, руководство нашего института сумело договориться о какой-то встрече, но не нашли к себе никакого интереса, хотя Институт достаточно известен, это не вузовская кафедра... Увы, боюсь, что будет проводиться политика узкой группы людей, думающих, что они все знают.

В. Сумеет ли Россия подняться, наладить свою жизнь по разумным и цивилизованным принципам, занять в мире достойное место?

Г. Дилigentский. Не быстро. Речь идет о десятилетиях. Должна произойти основательная смена поколений. Нынешнее поколение

имеет ряд преимуществ, но оно тоже еще не готово осуществить такой перелом. Сформировать такое поколение политического менеджмента, которое умеет не только командовать, но и слушать, что происходит в обществе. Чиновник в любой стране не демократ. Но в демократическом обществе он просто знает, что не может командовать, он не может отдавать распоряжений, если не слышит тех, кем он командует. Нам сейчас предстоит обострение конфликтности, оно уже начинается по поводу ЖКХ. Как такие проблемы могут решаться с пользой для страны, для ее развития? Только на основе компромиссов между теми, кто проводит реформы и населением, которое является объектом реформ. Для этого нужна равновесная политическая арена. Нужны политические отношения равновесных сил, которые традиционно называются «правыми» и «левыми». У нас они называются так же, но не являются ни теми, ни другими. У нас нет нормальных цивилизованных левых, которые стоят на консенсусных ценностях рыночной демократии. О правых мы уже говорили... А пока этого нет – все проблемы оказываются нерешаемыми цивилизованными способами. Так что придется ждать.